

О КАВАЛЕРИДЗЕ можно говорить бесконечно, как, впрочем, о любой самобытной личности его масштаба.

Кинематографический путь свел меня с Иваном Петровичем в то время, когда по паспорту он значился стариком, но в действительности был полон энергии и творческих сил. Он любил повторять: осёл в 16 лет старик, орел в сто лет юноша.

Для начинающих кинематографистов он был живой летописью истории кино.

Посчастливилось мне участвовать в съемках кинофильма «Гулящая». Было крайне интересно наблюдать работу мастера, у которого в 30-е годы снимались мои учителя — И. Марьяненко, А. Сердюк, М. Крушельницкий.

Я как бы касался изначальных истоков режиссуры — режиссуры, имеющей глубокие корни.

Когда молодым приходишь на киностудию, хочется побыстрее воплотить на экране то, что тебя волнует, что вынашивал во время учебы в институте, работая на сцене.

Зная хорошо литературный материал, драматургию будущей ленты, мои помощники И. П. Кавалеридзе, стремились как можно активнее участвовать в подборе актеров, в репетициях, в подготовке декораций. Перед приходом мастера на съемки мы развивали бурную деятельность.

Но хочу сделать небольшое отступление. Однажды довелось мне услышать легенду о подобном юношеском самоутверждении.

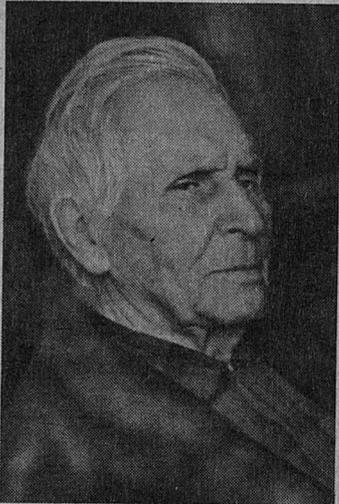
Репетировал мастер, а сцена все не получалась. Мастер мучается, не находит то-

го единственного, самого верного решения.

С галерки спускается будущий гений, осторожно подходит к мастеру и робко просит слова.

— Говорите, — благоволит тот.

— А что если актер ска-

жет не так, а так. А актрисе ответит совсем иначе, а массовка пойдет не вперед, а назад...

— Пожалуй...

Юный гений за минуту перестроил сцену. Она ожила, актеры пришли в восторг, был доволен и мастер.

Юноша, однако, не вернулся на галерку, а сел за спиной мастера. Потом в какой-то момент не выдержал, начал громко давать советы и... опять попал на галерку.

Что-то подобное случалось и с нами. Приходили на съемки заранее. Придумывали мизансцены, объясняли актерам их задачи, обсуждали кадр с оператором, художником. Кавалеридзе остава-

лось лишь сесть в кресло и скомандовать.

— Внимание, мотор!

Но, придя на съемку и, услышав от нас: «Все готово!», Иван Петрович не сел в кресло, а выходил на площадку и начинал работать. В конечном счете все,

столько усилий, чтобы переиначить то, что рождается в творческом видении другого художника? Как бы это объяснить? Кукарекает петух или нет — солнце все равно взойдет... Будьте солнцем — все данные у вас есть.

Следуя совету Ивана Пет-

К 100-летию со дня рождения И. П. Кавалеридзе

МАСТЕР

Родился в украинском селе. Учился в Киеве, Петербурге, Париже. Был знаком с Шаляпиным и Роденом, работал с Протазановым и Бучмой. Умел в искусстве, кажется, все. Был великодушным скульптором, создал памятники Т. Г. Шевченко, Артему, Г. Сковороде. Блестяще владел пером. Спектакли, поставленные по его пьесам «Вотанов меч», «Первая борозда», стали вехами на пути развития искусства. Много было сделано им и в украинском кинематографе.

что я подготовил, оказывалось сделанным впустую.

Так повторялось не раз.

Мы работали над эпизодом, выстраивали кадр, а Кавалеридзе все переделывал по-своему.

Наконец однажды я не выдержал и спросил:

— Иван Петрович, почему все, что мы сделаем, вы отвергаете? У нас пропадет желание работать...

Результат получился неожиданным: Кавалеридзе высоко оценил все наши старания, но при этом заметил:

— Надо ли вам тратить

ровича, мы однажды рискнули и получили самостоятельную постановку.

Урок, преподанный нам тогда Кавалеридзе, удалось оценить только со годами.

Наше искусство — синтетическое, коллективное, поэтому очень легко раствориться в других, потерять свое лицо. А если этого лица нет вообще? Что же, надеть чужую маску?

Литератор написал сценарий. Если ты не переложил сценарий на себя, значит, ты ничего к нему не добавил, он не стал твоим — ты маска автора.

Художник написал декорации. Если у тебя нет своего видения зрительного ряда ты смотришь на мир глазами художника, оператора. И опять это не ты, а чужая маска.

Актеры любят делить режиссеров на «диктаторов» и «демократов». Последние якобы олицетворяют свободу творчества. Актеры, естественно, предпочитают «демократов», даже если они лишены собственного видения.

Верх режиссерской «демонстрации» — когда за него снимают актеры, операторы, ассистенты, а режиссер дремлет в кресле, уехал на заседание или лечит желудок.

В итоге фильм похож на всех и меньше всего проявляет лицо постановщика. Видны актеры, декорации, только нет цельного произведения, нет собственно режиссуры...

Все, что создал в искусстве Кавалеридзе, похоже на него, говорит об его индивидуальности.

Наследие мастера велико и разнообразно. Я не ставлю своей целью анализировать его полностью. Хотелось только поделиться мыслями о том, что близко, дорого.

Своими произведениями Иван Петрович Кавалеридзе обогатил искусство.

Н. МАЩЕНКО,
Лауреат Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко.

* * *

На снимке: И. П. Кавалеридзе в канун своего 90-летия (публикуется впервые).

Фото И. Петрова.